

Глава 10

Откровенность

Черноволосый юноша, ничуть не оценив заботы, лишь сильнее нахмурился:

— Мне известен один вид психического расстройства, при котором человек одержим потребностью навязывать другим зависимость от себя. Такие люди жаждут признания своих заслуг и опеки, чтобы в конечном итоге полностью контролировать объект внимания. Чаще всего это встречается у матерей с чрезмерной жаждой власти над детьми. Дружеский совет: если вы больны — лечитесь.

«И не вздумайте выплескивать свои комплексы на меня», — добавили его серые глаза, когда он холодным и пронзительным взглядом впился в собеседника.

— Порой вы действительно... мастерски умеете выводить людей из себя, — едва слышно проговорил Избранный богом.

Он крепко обхватил тощую, костлявую лодыжку Новы. Бледная кожа в месте отека казалась обжигающе горячей, а пульсация вен отчетливо отдавалась в ладони Азуки — казалось, нога юноши мелко и непроизвольно дрожит.

Почувствовав опасность, Нова вскинулся, пытаясь высвободиться. Из его горла вырвался тихий, сдавленный стон, а по вытянутой шее скатилась капля холодного пота. Профессор мертвой хваткой вцепился в простыни, но перчатки мешали пальцам найти опору: ткань лишь жалко сминалась и выскользывала из ладоней.

— Очень больно?

Азука, не меняя силы нажима, удерживал инстинктивно дергающуюся голень. Медленными, размеренными движениями он втирал мазь в поврежденное место, помогая снадобью впитаться, и при этом невозмутимо, почти ласково уговаривал:

— Потерпите немного, скоро всё закончится.

Его «враг» не удостоил его ответом. Нова лишь крепче зажмурился и отвернул голову. С этого ракурса собеседник отчетливо видел его бледную, напряженную шею, на которой судорожно дергался кадык и проступали тонкие синие жилки. За всё время процедуры, если не считать того первого сорвавшегося стоны, черноволосый не проронил ни звука. Лишь пальцы его до белизны сжимали собственную руку, а ворс на застиранных добела перчатках сваялся и запутался от неистовой хватки. Было ясно — боль он испытывал нешуточную.

Избранный богом продолжал свою работу так же неторопливо и методично:

— Всё предельно просто. Я спас вам жизнь и предоставил убежище. Теперь логичный вопрос: что вы можете предложить мне взамен?

Его голос оставался кристально чистым и мягким, убаюкивающим, словно теплая озерная гладь... Но лишь коснувшись ледяных и острых рифов на дне, добыча могла с ужасом осознать — она уже заперта в тесной клетке глубоко под водой.

— Я искренне восхищаюсь вашими способностями и умом, но мне совсем не по душе ваша склонность к саморазрушению. Если вы продолжите в том же духе, это доставит мне немало хлопот. И тогда мне, возможно, придется совершить нечто весьма... невежливое. Как вы сами изволили выразиться, ваше нынешнее поведение совершенно не способствует «эффективности приобретения».

Последние слова он произнёс с особым нажимом, будто намеренно возвращая «должок».

В каком-то смысле этот Спаситель был законченным мерзавцем. Любой, кто поверил бы в его фасад благородства, кротости и возвышенной чистоты, в итоге остался бы ни с чем.

Зафиксировав сустав и наложив тугую многослойную повязку, Азука поднялся. Он налил воды в таз и принялся тщательно отмывать руки. Закончив, он обернулся и увидел, как Нова, не проронив ни слова, пытается слезть с кровати. Тяжело вздохнув, юноша подошёл и, придерживав собеседника за плечи, склонился, пытаясь разглядеть хоть что-то в его пепельных глазах:

— Профессор, вы всё ещё злитесь на меня?

— Благодарю за доброту, — бесстрастно ответил Броуди, глядя прямо перед собой. — Но, пожалуйста, отпустите. Я в состоянии стоять сам.

— О, значит, всё ещё злитесь, — ничуть не смутившись, констатировал Избранный богом. Он лишь крепче сжал пальцы на плече Новы и, игнорируя слабое сопротивление, помог ему подняться.

В этот момент полог хижины снова откинулся, и внутрь заглянула Ламина.

— Избранный богом?

Девушка замерла, с некоторым недоумением разглядывая стоящую перед ней пару. Почему рука Азуки лежит на плече этого невыносимого типа?

Услышав своё имя, Азука обернулся. В лучах солнца, пробивающихся сквозь щели, его лицо казалось ослепительно прекрасным. Даже Ламина, привыкшая к его внешности с самого детства, на миг оторопела. Наталинцы в большинстве своём были миловидны, но Избранный богом всегда стоял особняком. По крайней мере, насколько знала Ламина, в детстве

мальчишки и девчонки частенько пускали в ход кулаки за право поиграть с «маленьким птенчиком».

Сам он, судя по всему, даже не подозревал, скольких «жертв» стоила его красота. Он дружелюбно кивнул рыжеволосой охотнице:

— Пришла навестить Басу? Новое лекарство действует. Старушка Нака сказала, что к вечеру он должен очнуться.

— Утоска милостивый, это же чудесно! — Ламина мгновенно забыла о своих странных подозрениях. Она подскочила к кровати раненого и, увидев, что к лицу Басы вернулись краски, прерывисто вздохнула. Потянувшись поправить одеяло, она вспомнила, что пришла не с пустыми руками.

Ламина неловко кашлянула и протянула Нове увесистый сверток, обернутый листьями и перевязанный бечевкой.

— Вот, возьми. Это мясо громового змея, твоя доля.

Она пробормотала это как-то скованно и в сторону:

— Ты, конечно, тот ещё заносчивый тип, но соображаешь быстро. Мне не стоило сегодня сомневаться в твоих словах, да и вела я себя... не очень. В общем, извини.

Азука внезапно почувствовал, как тело юноши едва заметно вздрогнуло под его рукой, а мышцы напряглись в резком, почти судорожном спазме. Если бы они не стояли так близко, он бы никогда не заметил этого странного отторжения.

Казалось, этот человек чувствовал себя крайне неудобно, когда перед ним извинялись.

— Для таких, как вы, вполне естественно испытывать сомнения на мой счет. К тому же, без ваших усилий убить змея было бы невозможно. Так что в извинениях нет нужды, — ледяным тоном ответил Нова. Он даже не взглянул на мясо, лишь приподнял веки, и в его взгляде проскользнуло нечто такое, от чего Ламина недовольно закатила глаза.

— Что значит «для таких, как я»? Клянусь богом бурь, ты можешь хоть раз ответить по-человечески?

— Я лишь имею в виду, что извиняться не за что. Учитывая ваш жизненный опыт и уровень интеллекта, вы и не могли прийти к тем же выводам, что и я. Если вы усмотрели в этом иной смысл, то это лишь ваши...

— Я заберу добычу, у вас ведь повреждена нога, — Азука решил прервать назревающую перепалку. Под странным взглядом соплеменницы он спокойно взял истекающий кровью сверток и прикинул вес: — Порция внушительная. Мясо громового змея нужно готовить быстро: можно замариновать и зажарить, а можно сварить отличный суп.

— А? Ну да, всё верно. Если не съедите сразу, можно завялить, — Ламина, воспользовавшись предложенным выходом, поспешила ретироваться. Про себя она подумала: «Разве Избранный богом не терпел всегда этот специфический запах змеиного мяса?»

Затем она увидела, как Азука слегка повернул голову и мягко произнёс своему спутнику:

— Прошу прощения, мне нужно закончить дела. Нога сильно болит? Хотите, я пришлю кого-нибудь проводить вас?

— Нет нужды, мне уже лучше. За мной придут, — отрезал черноволосый. Он указал подбородком на спешащего к ним мальчишку, который, кажется, звался Балу.

Азука бросил на парня короткий, бесстрастный взгляд. Мальчик тут же густо покраснел, замер на месте и принялся что-то невнятно бормотать, так и не решившись подойти.

Он улыбнулся и на всеобщем языке дал мальчишке несколько наставлений. Передав ему мазь и сверток с мясом, Избранный богом проследил, как тот, поддерживая Броуди, чуть ли не спотыкаясь на ровном месте, уводит его прочь.

— Профессор, — внезапно окликнул их Азука, перейдя на наталинский язык и повысив голос.
— Я принимаю ваши условия, но надеюсь, что и вы будете верны своему слову.

Он имел в виду ту самую «делку», которую Нова навязал ему в порыве дерзости: если он будет вовремя применять лекарство, Азука обеспечит безопасность четверым чужакам при выходе из пика Асачи. Теперь, когда вопрос с отъездом был практически решен, он не собирался позволять Нове уваливать от своих обязанностей. Если тот не проявит должного рвения в лечении, Азуке придется перейти к принудительным мерам.

Профессор Броуди даже не замедлил шаг. Он ушел, не оборачиваясь, но вся его фигура выражала такое негодование, словно у него на загривке дыбом стояла шерсть.

Насладившись моментом маленькой победы над своим еще столь неопытным «врагом», Азука с достоинством отвел взгляд — и наткнулся на весьма неоднозначный взгляд Ламины.

— Хм? Что такое?

— Редко доводится видеть вас таким... довольным? — Ламина с трудом подобрала слово.

«Довольный» — это было еще мягко сказано. Скорее уж... самодовольный и донельзя счастливый? В общем, выглядело это донельзя ребячливо.

Азука лишь загадочно улыбнулся ей в ответ:

— Разве тебе не кажется, что поддразнивать его — это весьма увлекательно?

Ламина:

— ...

«Ни капельки! Счастье уже в том, чтобы не умереть от злости после разговора с ним!»

Женская интуиция подсказывала ей: здесь что-то не так. Несмотря на слова Азуки, его отношение к этому чужаку совсем не напоминало снисходительную забаву с котенком или щенком. Напротив, он уделял собеседнику слишком много внимания.

Избранный богом со стороны казался человеком мягким, на его лице всегда играла легкая улыбка, он располагал к себе и казался простым в общении. Но те, кто знал его долго, чувствовали скрытую за этим фасадом холодную гладь и недосыгаемость. Даже Ламина, выросшая вместе с ним, не могла понять, как тот капризный, но добрый, открытый и вечно смеющийся мальчик по имени «Маленький птенчик» мог в одночасье превратиться в этого человека.

«О, Утоска, бог бурь... Неужели и это — твоя воля?»

— Да на кого вы стали похожи после этой прогулки?! — Капитан Скарпо, увидев ногу Новы, замотанную в толстый слой бинтов, пришел в неопиcуемый ужас. — Балу сказал, что какой-то дикарь велел ему прийти, и этот сопляк удрал, даже не доложив мне! Это они с вами сотворили?

— Нет, я сам проявил неосторожность.

У него разболелась голова от причитаний. Нова потер переносицу и с помощью спутников опустился в кресло. Старина Джейсон принялся осторожно разматывать бинты. Обнаружив обычное растяжение, он недовольно пробурчал себе под нос — старик-то уже настраивался на перелом или, как минимум, рваную рану.

— Не всё в составе мази мне знакомо, но снадобье качественное. Отек уже спадает, — подытожил врач.

— Господин профессор, а тот златовласый господин... он и есть Всадник на драконе, оседлавший Ветрохода? — с восторгом в глазах спросил Балу. — Вы с ним знакомы? Какой он человек?

На самом деле его куда больше интересовало, есть ли у этого красавца сестра. Ну, или хотя бы кузина.

К удивлению присутствующих, Нова не ответил сразу ни «да», ни «нет». Он не испепелил мальчишку своим привычным суровым взглядом и не велел заниматься своими делами.

Он на мгновение задумался и, проявив редкое для него колебание, произнёс:

— Трудно сказать однозначно. Он человек... откровенный, но опасный. В нём скрыто множество тайн, но пока он не питает к нам враждебности.

Пока этому человеку что-то от них нужно — они в безопасности. Эти холодные и понятные принципы взаимной выгоды дарили Нове спокойствие. Ради них он был готов даже некоторое время терпеть странные замашки Избранного богом.

«Должно быть, он привык таким образом покупать преданность людей, но в моем случае его методы дают осечку».

Затем он добавил уже более лениво и в своей привычной резкой манере:

— Но на вашем месте я бы держался от него подальше. Он нездоров.

<http://bllate.org/book/15312/1354366>